И три корня срастутся любовью. Воспоминания о моем отце -

Мирослава Бердник

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Очень трудно писать воспоминания о собственном отце. Погружаться в волны памяти, заново чувствовать, переживать события прошлых лет. Заново осознавать, что больше никто не назовет меня "доця-алхим" (я в детстве не выговаривала слово "ангел"), не погладит по голове. Сложно еще и потому, что придется рассказывать о вещах, которые противоречат общепринятой трактовке событий нашей недавней истории, строкам свежих школьных учебников.

- Мирослава Бердник
  -
  - Портрет семьи в интерьере
  - Юность. Взлеты и падения
  - Как отец похитил маму
  - У каждого Моцарта свой Сальери
  - Украинская хельсинская группа. Как это было
  - Украинская духовная республика

Мирослава Бердник
И три корня срастутся любовью. Воспоминания о моем отце — писателе Олесе Берднике

Очень трудно писать воспоминания о собственном отце. Погружаться в волны памяти, заново чувствовать, переживать события прошлых лет. Заново осознавать, что больше никто не назовет меня "доця-алхим" (я в детстве не выговаривала слово "ангел"), не погладит по голове. Сложно еще и потому, что придется рассказывать о вещах, которые противоречат общепринятой трактовке событий нашей недавней истории, строкам свежих школьных учебников.

Мои первые воспоминания — я на полу играю у ног отца, который сидит в кресле и пишет, держа на коленях пишущую машинку. Временами отвлекается и гладит меня по голове. Четкие воспоминания примерно с трехлетнего возраста. Отец тогда организовал вместе с сестрой Олей и моей мамой конную экспедицию на Алтай — искать Беловодье, о котором говорится в преданиях староверов. Взяли с собой и нас с двоюродным братом-ровесником. Меня усаживали на луку седла впереди мамы и привязывали к ее телу, чтобы от резкого движения лошади или какой-либо другой неожиданности я не скатилась случайно в пропасть. Правда, на Белуху они восходили сами, оставив нас на метеостанции. А мы наблюдали, как ее вершина, похожая на сахарную голову, от разрядов молний превращалась то в ослепительно белую, то в фиолетовую.

С отцом и мамой я изъездила, наверное, половину Советского Союза. Мы побывали в горах Алтая, Памира, Тянь-Шаня, в пустыне Кара-Кум, в крепостях Сванетии и в Эчмиадзине. За день могли пересесть с шикарного Ту на "кукурузник", потом на вертолет, а дальше — или на полуторке, или на ишаке. Однажды в горах Памира ехали в кузове полуторки. Вверху — скалы, внизу — четырехкилометровая пропасть. И вдруг ощущаем, что дорога "дышит".

Оказывается, этот участок был построен особым способом — перевитые ветки и камни между ними, чем-то сверху залитые. И как пример неудачного прохождения участка — обломки нескольких машин на дне пропасти. А поскольку деться было некуда — машина-то развернуться не могла, ехали так: отец, охватив меня обеими руками, поставил одну ногу на край борта

кузова, чтобы успеть выпрыгнуть, если машина будет падать в пропасть.

Мама с рюкзаком тоже стояла у края борта. Так и проехали этот опасный участок, а водитель в это время привычно весело пел. Наверное, потому, что с раннего детства очень много путешествовала, я органично владею двумя языками. С подружкой из горного сванского селения или с мальчиком, дарившим мне розы на берегу моря в Дубултах, мы могли объясниться только по-русски.

Однажды отца спутали с Фиделем Кастро. Это было в 1964-65 г. Куба тогда была у всех на устах. Мой бородатый отец с беретом на голове и в одежде полувоенного покроя в молодости был поразительно похож на легендарного команданте. Мы приехали в Рахив, и кому-то показалось, что к ним прибыл сам Фидель. Молниеносно разнесся слух, собралась толпа, и отца на руках понесли по центральной улице. Когда же обнаружилось, что это не Фидель Кастро, а сам Олесь Бердник, его потащили к книжному магазину, и он несколько часов подписывал людям книги.

Отец никогда не был чудаковатым сельским проповедником-отшельником, каким его сегодня рисуют некоторые газеты. Он жил широко и красиво. Мог, когда мама спросила его, "что такое шерри-брэнди", утром сесть в московский самолет и к вечеру вернуться, чтобы угостить ее этим напитком. Мог по зову умирающего академика Смирнова, автора русского перевода "Махабхараты", рвануть через весь Союз в Ашхабад для последнего разговора. А мог и половину авторского гонорара за очередную книгу отдать нуждающемуся коллеге.

К сожалению, когда туго стало отцу, память и совесть этих коллег, похоже, разъела коррозия. В начале 60-х на Одесской киностудии по его сценарию снимался фильм "Мечте навстречу", и директор картины попросил уступить авторство двух стихотворений к фильму коллеге, который сильно нуждался. Отец с готовностью согласился. Фильм уже забылся, а песни "И на Марсе будут яблони цвести" и "Я — Земля, я своих провожаю питомцев…" вошли в золотой фонд советской песни.

Портрет семьи в интерьере

Винниченко сказал, что историю Украины нельзя читать без брома. Это касается и многих украинских семей. Катаклизмы XX столетия накладывали свои отметины на каждое поколение.

Дед отца, Василий Александрович, служил в военно-морском флоте царской России мичманом. После военной службы нанялся на океанографическое судно, трижды плавал вокруг света. Когда началась Первая мировая война, принимал участие в строительстве стратегического моста через Днепр от родового села Килова до Вытачива. Еще я, приезжая к бабушке на каникулы, застала на Днепре протрухшие остатки свай. Дед Василий был социал-демократом, распространял брошюры, книги. Отец рассказывал, что после революции он говорил: "Розхитували ми трон Миколи, а він впав і нас придушив".

Когда забурлила гражданская война, он в своей хате, стоявшей на краю села, прятал гетманцев от петлюровцев, самостийныков — от богунцев, евреев — от самостийныков, деникинцев — от чекистов. Это сыграло свою роль в 20-м году, когда его арестовали чекисты. Еврейская община Киевской области собрала деньги, из Киева приехали еврейские адвокаты, которые заявляли: "Василий Александрович настоящий человек! Спас от смерти десяток наших!" И сумели вызволить его из ЧК.

Деда отпустили и уже не трогали. Зато тронули дочку Марию. Она работала в Киеве на железной дороге. Кто-то написал в ЧК донос, что она не кто иной, как знаменитая Маруся — атаманша отряда, входящего в соединение Зеленого. Днем, мол, работает на железной дороге, а ночью со своими хлопцами ездит по селам и вешает коммунистов и активистов. Следователь угрожал, кричал: "Признавайся, сука!" Потом повел в подвал, изрытый следами пуль и забрызганный кровью. Поставил возле стенки… Пуля просвистела возле уха, выбив кусочек кирпича. Очнулась она от ушата холодной воды, следователь же мрачно сказал: "Ты или невиданная авантюристка, или невинный ребенок…" Через месяц ее отпустили с седой прядью в косе и желтым листком бумаги, в котором было написано: "Гражданка (имярек) обвинялась в бандитской деятельности анонимом. Органы ЧК провели внимательное дознание, которое выявило полную безосновательность клеветы. Обвинение с нее снято с полной реабилитацией". И подпись: "Феликс Дзержинский". Эта бумажка хранилась в семье отца до ареста. Соседи же не поверили. Я через пятьдесят лет слышала от соседки, когда бабушка прогоняла с нашей грядки ее кур, вопли: "Бандитка!

Бандитка!" Через много десятилетий эта история вернулась ко мне "испорченным телефоном". Лет десять назад я приехала в село Вытачив в церковь, которую построил отец по проекту Тараса Шевченко. В этих местах и атаманствовал Зеленый. Возле церкви встретила старого-престарого деда, который рассказывал, что Олесь Бердник — сын атамана Зеленого, хотя отец родился через много лет после его гибели.

После освобождения бабушка Мария вернулась домой и вышла замуж за соседского сына Павла. Воспоминания деда тоже дают представление о тех грозных, братоубийственных временах. Однажды он шел из Воронькова "село под Борисполем" в Килов. Недалеко от села услышал крики, проклятия, выстрелы. Спрятавшись за деревьями, увидел страшную картину. Петлюровцы окружили группу безоружных гетманцев и заставляли их раздеться. Те падали на колени и умоляли: "Хлопцы, и мы ж, и вы — за Украину. Мы ж родная кровь! Хлопцы, что ж вы делаете?" Хлопцы же в ответ выматерились и прошили тех очередями…

Дед позвал односельчан, убитых гетманцев похоронили в братской могиле. Он ее показывал — могила существовала до тех пор, пока по ней не проложили асфальтовую дорогу. Эта абсурдная братоубийственная война объясняет многие события на историческом поле Украины XX столетия. Что заставляло людей убивать, предавать, брата подымать руку на брата, сына писать донос на отца, мать во время голода съедать собственного ребенка? Разве можно все объяснить только злой волей Ленина или Сталина, тем, что "система заставила"?

Во время голода тридцать третьего по домам стали ходить комбедовцы, забирая все. Соседка Оксана была беременна, и когда к ней пришли, спрятала маленький узелок пшена под юбку и села на него. Участница реквизиционной группы "кстати, ее родственница" это заметила, назвала ее "контрреволюционным элементом" и выдернула узелок. Даже представитель сверху смилостивился, хотел пшено оставить, но родственница была неумолима — узелок забрала, а уже сваренную в печи кашу, разбив горшочек, втаптывала в грязь по всему подворью. Неужели ее Сталин и москали заставляли делать это?!

Юность. Взлеты и падения

Незадолго до начала войны отец экстерном окончил школу, поступил в геологический техникум в Киеве. Но грянула война, пришлось забирать документы и возвращаться в село. Отец рассказывал о бессильной ярости, которую испытывал он и его ровесники, видя беспорядочное бегство наших войск. Как-то к ним во двор зашли несколько летчиков, один из них — молодой красивый генерал. Они сожгли свою форму и попросили гражданскую одежду, чтобы легче было пробираться к своим. А отец все его допытывал: "Почему, почему так случилось? Вернутся ли наши?" Тот ответил: "Не надо пустых слов. Жизнь покажет, почему произошла эта катастрофа. А наши вернутся, верь в это!" Через пару дней дошел слух, что летчики прорвались к своим, но их командир погиб.

Несколько дней было безвластие. Председатель колхоза сбежал, правления не было, телефонных звонков из района — тоже. И люди за несколько часов растащили все колхозное имущество по домам. Но радовались они недолго. Через несколько дней приехали немцы, все поняли и лаконично объяснили: "Колхозное добро вернуть туда, где оно лежало. Доблестные немцы освободили украинских селян от жидо-большевистского рабства, но не от обязанности трудиться. Было коллективное хозяйство, а будет общественное и свободный труд на благо немецкой армии. Все вернуть".

Через несколько часов принесли больше, чем экспроприировали.

В 1943 году, когда наши войска освободили Киевщину, семнадцатилетним добровольцем отец ушел воевать. Был сапером, как скупо об этом вспоминал — "ползал рядом со смертью". Ранение, госпиталь. После Победы демобилизовался и вернулся в Киев. До 1949 года работал в Театре им. Франко. В его биографиях часто пишут, что первый раз был арестован за то, что "выступил с критикой политики Сталина и Кагановича в области искусства".

Все было гораздо проще. Тогда в Советском Союзе как раз началась "охота на ведьм" — борьба с космополитизмом. В трудовых коллективах тут же начали массово находить своих "космополитов". Отец на открытом партийном собрании в театре выступил в защиту своего коллеги, артиста Добровольского. Сразу же около десяти "друзей" написали доносы. В итоге — известная 58 статья, 10 лет, и отец оказался в Печорлаге. Совершил два побега, и спецлагерсуд "припаял" еще 10 лет. Во

время "хрущевской оттепели" его реабилитировали, и в 1956 году он возвращается в Киев.

Как отец похитил маму

Летом 1957 года происходят два события — выходит первая книга "Вне времени и пространства", после которой Микола Бажан принимает его в Союз писателей, и отец знакомится с моей будущей мамой. История их встречи и любви описана в его книге "Кто ты?" (он часто использовал автобиографические фрагменты в своих романах). Отец встретил красавицу Кармен, идущую со съемок фильма на занятия в Институт театрального искусства. Влюбился с первого взгляда, тут же сделал ей предложение, но бабушка, а вернее ее подруги, уже присмотрели для нее "блестящую партию", а не какого-то "задрыпанца".

Отец на следующий день ее… выкрал. Встретил возле института, предложил бросить все и ехать с ним, если любит. Мама не раздумывала ни секунды. Они уехали в родное село к родителям отца, а бабушка разыскивала беглянку два месяца через всесоюзный розыск. Поженившись, они вернулись, повинились, но бабушка долго не могла ему простить этого похищения. Хотя позже, когда начались преследования, трудно было найти более преданного защитника, чем она.

У каждого Моцарта свой Сальери

Шестидесятые — начало семидесятых — период бурного творческого успеха. В год выходили 1–2 книги, путешествия, многочисленные выступления. Сегодняшним "властителям дум" трудно себе представить, что творилось на его выступлениях. Залы были не просто заполнены — люди стояли в проходах, "висели" на подоконниках, сидели друг у друга на плечах. Он говорил о судьбах Человечества и Земли, о трансформации Духа и предназначении Разума во Вселенной.

Но, увы, рядом с каждым Моцартом ходит множество Сальери. В наших украинских условиях лучшим способом "удружить" коллеге было обвинить его в "украинском национализме". Пока первым секретарем ЦК КПУ был Петр Шелест, он отметал все наветы, заявляя, что ему не нужен украинский Солженицын. Но когда после книги "Україно наша Радянська" его забрали "на повышение" в Москву, началась травля отца.

Сначала в "Літературній Україні" и других республиканских газетах, затем и в центральных. Последовал запрет на выступления, из библиотек изъяли все его книги. Я помню, как во дворе моей школы директор "кстати, преподаватель украинской литературы и теща писателя Валерия Шевчука" жгла костер из книг отца, которые до этого стояли на почетном месте в школьном музее.

В газете ЦК КПУ "Радянська Україна" появилась статья "Олесь Бердник продався ЦРУ за червоний світер". Интересна история появления этого материала. На Западе очень заинтересовались творчеством отца, и в Киев приехала из Мюнхена переводчица Ганна-Галя Горбач, по совместительству сотрудник радио "Свобода". Встретилась с отцом для разговора о сотрудничестве. Они беседовали на склонах Днепра в Ботаническом саду, и вдруг г-жа Ганна, поскользнувшись, стала падать с обрыва. Она ухватилась за отца и при этом порвала ему куртку.

Предложила компенсировать испорченную вещь свитером "как раз красным, таким, как разорванная куртка", но отец, рассмеявшись, отказался. А через 2 дня появилась статья. Для меня до сих пор остается загадкой: если отец и немецкая гражданка в уединенной местности были только вдвоем, то кто сообщил о разговоре "компетентным органам"?

И пример из жизни отца прямо противоположный. Когда его уже исключили из Союза писателей, он обратился к писательскому пленуму с письмом, которое через несколько дней

прозвучало по западным радиоголосам. Отца тут же вызвали в КГБ и потребовали объяснить, "зачем он передал письмо на Запад". Он удивился, опроверг это, поскольку его экземпляр хранился у него, и сказал: "Раз я не передавал, то передало или писательское руководство, или вы".

Так на примере судьбы моей семьи становится понятным, как Запад и определенные силы в СССР играли в пинг-понг судьбами людей, наиболее талантливых, пассионарных, неравнодушных, загоняя их на тропу диссидентства. Люди вместо того чтобы заниматься творчеством, наукой, начинали писать письма протеста, всякие "хроники текущего времени", Запад широкими мазками рисовал образ "империи зла", пятое управление КГБ показывало свою нужность и изображало бурную деятельность, постепенно готовя фундамент для перестройки.

Олесь Гончар: "Або виключаєте цього антирадянщика з Літфонду, або — з Літфонду виходжу я"

Первый обыск в нашей квартире произошел 18 апреля 1972 года. Без пяти восемь утра постучали в дверь, и на мой вопрос "Кто там?" ответила дворничка, что собирает деньги на похороны. Вломилось шестеро или семеро человек, когда же я попыталась юркнуть в ванную, меня крепко ухватили, разорвав при этом ночнушку. На мой крик выскочил из своей комнаты отец — ему тут же показали постановление о проведении обыска и предложили "добровольно выдать документы антисоветского и клеветнического содержания".

После 20-часового обыска изъяли работу Ивана Дзюбы "Интернационализм или русификация?", в которой тот призывал партийное руководство вернуться к принципам ленинской национальной политики, давние предложения отца к Хрущеву о создании на Алтае экополисов — образовательных и научных центров нового типа, работу "Альтернативная эволюция" (она была принята в качестве рабочего документа UNEP — Комиссией по экологической безопасности при ООН), а также пишущую машинку.

Затем последовал второй обыск. Он запомнился тем, что кагэбисты грубо смеялись над мамой, которая 17 часов обыска сидела с застывшим лицом неподвижно в кресле. Но она знала, зачем сидела, — под подушкой кресла лежала портативная пишущая машинка, забранная накануне из ремонта. На этой машинке были напечатаны затем его обращения к Брежневу, общественным деятелям, меморандумы Хельсинкской группы. Она и сегодня хранится у меня как память об отце.

Вскоре последовало исключение из Союза писателей. Его обвинили в "космической хохломании" и "мистицизме". Сейчас

говорят, что это организовал Василий Козаченко по заказу КГБ.Но исключали-то отца на пленуме Союза писателей Украины, и все присутствовавшие голосовали единогласно. То есть синедрион творческих личностей осудил своего коллегу и передал в прокуратору для распятия. Тогда отец в знак протеста голодал 60 дней. Секретарь партийной писательской организации направил из писательской поликлиники врача для психиатрического обследования с тем, чтобы направить отца на принудительное лечение в спецпсихбольницу (ну не может нормальный писатель протестовать против подлости своих коллег!). Врач, ее звали Нина Всеволодовна, написала заключение, что он совершенно здоров и сказала: "Быстро, пока я не доехала до работы, зарегистрируйте это заключение в районном психдиспансере". Представления этой женщины о совести и чести расходились с писательскими, хотя она и поплатилась за свое мужество работой.

Отца исключили из Союза писателей, но он еще оставался членом Литфонда. Через пару месяцев его увидел в писательском магазине "Сяйво" Олесь Гончар. Что тут началось! Разгневанный Гончар поставил ультиматум: "Або ви виключаєте цього антирадянщика з Літфонду, або — з Літфонду виходжу я". На следующий день отца исключили и из Литфонда. Через несколько лет, уже после ареста, отцу показывали доносы на него некоторых коллег. Если не в архивах СБУ, то в папках, вывезенных Голушко, хранится много интересных автографов! Некоторые "инженеры человеческих душ" умудряются служить любому режиму, получая все возможные награды и используя при этом государственную машину для расправы над своими более талантливыми собратьями.

Украинская хельсинская группа. Как это было

В монографиях, школьном учебнике дочери написано, что 9 ноября 1976 года Николай Руденко, Олесь Бердник, Оксана Мешко, Левко Лукьяненко и еще несколько человек создали Хельсинскую группу по призыву "прогрессивной московской общественности". Я, наверное, один из немногих, к тому же незаинтересованных свидетелей создания группы, который может рассказать, как это было на самом деле.

Помню удивление, даже потрясение отца, который, слушая "брехунець" — свою "Спидолу", вдруг узнал, что он, для кого важнейшими являлись вопросы освобождения человеческого Духа, гармонизации человека и разорванной биосферы Земли, создал политическую организацию. Когда его друг Николай Данилович Руденко вернулся из Москвы, куда ездил для встречи с Сахаровым по поводу своей экономической работы "Энергия прогресса", отец потребовал объяснений.

Николай Данилович сказал, что в Москве "хлопці" (Сахаров, Григоренко, Щаранский и другие) предложили создать в Украине группу для воплощения в жизнь Хельсинских договоренностей и попросили назвать тех, кто, по его мнению, не откажется участвовать. Тут же была созвана пресс-конференция и Николай Данилович заявил западным журналистам о создании Украинской хельсинской группы.

Благородные намерения имеют притягательную силу и впоследствии никто из названных не отказался подписать Декларацию о создании УХГ. Кстати, членам УХГ было делегировано право подписывать документы от имени всей группы, поэтому так разительно отличаются по содержанию и стилистике документы, написанные, к примеру, отцом, Оксаной Мешко или Лукьяненко.

Интересная подробность: 9 ноября прозвучало только сообщение о создании УХГ, еще не все будущие члены группы знали о своем участии в ней и не успели подписать декларацию. Но уже 12 ноября было озвучено обращение Московской хельсинской группы (Боннэр, Гинзбург, Щаранский, Орлов и другие) с призывом к мировой общественности "выступить в защиту Украинской Группы", поскольку существует "опасность применения уголовных мер в отношении этой Группы…"

Отец быстро увидел, что их используют, но белке, посаженной в колесо, выбраться почти невозможно. Он писал: *"Я*

підготував десь 16 документів — до Прокуратури, ООН (зокрема, на захист Миколи Даниловича Руденка). А через деякий час написав "Маніфест української правозахисної групи", який містив пропозиції до світової громадськості. Але коли я поїхав до Москви — Григоренко продемонстрував мені цей документ з резолюцією Сахарова: "Не хватало нам еще помогать этим экстремистам-украинцам. Я категорически против. Андрей Сахаров"…

Після цього випадку я зрозумів, що до російських правозахисних груп треба ставитись обережно. Більше того, коли я від імені нашої групи виступив з пропозицією скликати у Віфлеємі, в ізраїл? Собор Божої Матері і Дитини — ця ідея не дістала підтримки. Хоч ми доводили, що маємо себе проявити не лише як критики, але й конструктивні діячі…

У Петра Григоренка були сльози на очах. Він казав: "Як бойовий генерал я не знаю ідеї, величнішої за цю. Повністю її підтримую". А за кілька днів він мені надсилає листа: "Дорогой Олесь! Посольство США отказалось передать твой материал, а у нас денег нет…" Коротше кажучи, я усвідомив: нас просто використовують. Ми лише інструмент, завдяки якому західні спецслужби роблять свої справи. Вони й тоді не вельми переймались нашим прагненням до незалежності" ("Чернігівські відомості", 23.04.93 г.".

Отец сумел с туристами передать документы своим друзьям в Канаде и США, и они развернули деятельность по подготовке в Вифлееме Собора Матери и Ребенка с тем, чтобы обратиться к правительствам всех стран с требованием от имени матерей Земли о всеобщем и полном разоружении. Были разосланы приглашения различным государственным деятелям, Папе Римскому. Но через пару месяцев позвонила подруга отца из Торонто и с отчаянием сообщила, что начались угрозы от американских военных кругов и поэтому вся организационная работа свернута.

Интересно, что когда переправкой документов в Москву занимался отец — все проходило гладко. Когда же Оксана Мешко — ее курьеров почему-то, как правило, снимали сразу за хутором Михайловским и за этим следовали массовые обыски у членов группы. Я ни в коей мере не хочу обвинить ее в "стукачестве", видимо, у нее, как и у многих других, существовала подспудная идея-фикс, что чем больше людей сядет, тем больше внимания общественности будет приковано к Украине.

Ведь сказала мне в лицо одна знакомая, известный историк, когда отец уже отбывал срок в мордовских "санаториях": "Найкраще, що Бердник зробив, це сів за Україну". Когда я спросила, а почему же она не хочет садиться "за Украину", та ответила: у нее "творчість, діти, онуки". Я возразила, что у

Бердника тоже есть творчество и дети, а она страшно обиделась и перестала со мной общаться, тем более что это стало опасным.

Когда отца арестовали, ко мне домой явилась Оксана Яковлевна с требованием, чтобы я заняла его место в группе и чтобы поехала ее курьером с документами в Москву. Меня как раз не было дома, и мама ей ответила, что я учусь, и чтобы она оставила меня в покое. И закрыла дверь. Взбешенная баба Оксана, как мы ее между собой называли, начала стучать какой-то клюкой в дверь и кричать: "Мій син сидить, а твоя буде учитися?!" Ситуацию спас сосед, который, услышав шум, вышел и сказал, что, если она не уйдет, он выпустит собаку.

Украинская духовная республика

Арест, суд, годы ожидания отца. После возвращения он снова пишет книги, восстанавливается в Союзе писателей, вернее, его принимают как "молодого" писателя. И основное детище — создание Украинской духовной республики. Развивая идеи Сковороды о Горней республике духа, отец хотел показать, что есть другие пути для контактов между народами, чем тысячелетние дороги войны и обмана.

16 декабря 1989 года была создана Украинская духовная республика — свободная ассоциация, братство украинцев во всем мире, которое базируется на духовной и культурной консолидации над политическими, социальными, идеологическими и конфессиональными различиями, утверждает приоритет культурных, духовных, научных ценностей цивилизации. Отец мечтал о создании духовных республик братских народов. Идею поддержали очень многие.

Вступали ученые, артисты, писатели, становились коллективными членами предприятия и колхозы, был создан постоянный пресс-центр при газете "Молодь України", которая выходила семисоттысячным тиражом. Случались, правда, и неприятности.

На отца вышел первый секретарь ЦК ЛКСМУ Анатолий Матвиенко и предложил, пока не завершена регистрация организации, воспользоваться одним из счетов комсомола. Он согласился, в газетах был опубликован счет, потекли пожертвования. Отец гонорар от очередной книги перевел на этот счет, жертвовал все гонорары за публикации, я собирала во время его выступлений пожертвования и затем несла в сберкассу, тысячи людей присылали копии квитанций о денежных переводах.

Но когда УДР зарегистрировали и отец захотел с временного комсомольского счета перевести деньги на счет УДР, Анатолий Сергеевич заявил, что на счету всего около 300 рублей. Видимо, с тех пор у него и сохранилась любовь к риторике о духовном возрождении и национальном самосознании.

16-22 июля 1990 г. в Коломые был проведен Всемирный собор духовной Украины. На нем присутствовало более 100 тысяч делегатов. Огромную организационную и финансовую поддержку в его проведении оказал руководитель коломыйской агрофирмы "Прут", а впоследствии ивано-франковский губернатор Михаил Вышиванюк, которого увлекли идеи отца. Оказывалась поддержка культурным деятелям Украины. Среди них Нина Матвиенко,

Валентина Степовая, группа "Кому вниз", дуэт Моисеенко и Данильца, "Камерата" и многие другие. Пропагандировались идеи объединения человечества на основе любви, гармонии, общей ответственности за судьбу Земли. Но тут поступило предложение, от которого, как принято говорить, "нельзя отказаться": помощь в создании представительств УДР во всех странах, где проживают украинцы, отец становится пожизненным номинальным руководителем, всемирная финансовая поддержка, но… центральный офис должен находиться в Нью-Йорке.

Отец отказался. И снова началась травля. Сначала в западной прессе, затем подключились и многие в Украине. Конечно, тем, кто представляет себе "розбудову духовності" только под патронатом американских покровителей, вряд ли могли понравиться жесткие оценки отцом происходящего в Украине: *"Любов до України тільки декларувалася, її у наших чиновників — не густо. і зараз ми опинилися на гігантській купі світового сміття. Тим більше, понадіялися на західні демократії, мовляв, вони нам допоможуть. Насправді ж Захід зацікавлений, аби Україна, Росія, Бєларусь, Казахстан були економічно слабкими, залежними сировинними придатками. Я роблю висновок, що зараз Україна як організм знаходиться в стані клінічної смерті. Тобто, надія є. Але, щоб серце запрацювало, потрібні сильні реаніматори… Відновлюють козацтво, чіпляють дерев'яні шаблі, булавами обвішуються. Проте насправді це — містифікація, карикатура на козацтво. Перед Україною є вибір: стати нацією творців або руйнаторів. Зараз фактично ми руйнатори. Не треба брати за взірець США.Необхідно розраховувати на власні сили. Маємо певну кількість енергетики — інтелектуальної, сільськогосподарської, промислової — давайте використовувати її на благо народу"* ("Чернігівські відомості", 23.04.93 г.).

Во время похорон отца люди увидели вверху журавлиный клин. Когда тело опускали в землю, птицы над могилой перестроились, будто принимая в строй его душу, и полетели к родным гнездовьям, на восток. Для меня же стала завещанием мечта отца о том, что братские народы должны очнуться от враждебных психоманипуляций, и тогда свершится пророчество Сергия Радонежского: "И три корня, разделенные проклятием, срастутся любовью".

"2000", № 1–2 (301), 13–19 января 2006 г.